

Гиноцид, или Китайское бинтование ног

Инструкции перед чтением текста:

1. Возьмите кусок материи примерно трёх метров длиной и пяти сантиметров шириной.
2. Возьмите пару детских туфель.
3. Подогните пальцы ног, кроме большого, внутрь стопы. Оберните материей сначала пальцы, а затем пятку. Сведите пятку и пальцы как можно ближе друг к другу. Плотно оберните оставшуюся материю вокруг стопы.
4. Засуньте ногу в детские туфли,
5. Попробуйте прогуляться.
6. Представьте, что вам пять лет...
7. ...И что вам придётся ходить таким образом всю жизнь.

Истоки китайского «бинтования ног», как и традиции китайской культуры в целом, восходят к седой древности. В X веке в Китае было положено начало физической, духовной и интеллектуальной дегуманизации женщин, выразившееся в таком явлении, как обычай «бинтования ног». Институт «бинтования ног» расценивался как необходимый и прекрасный и практиковался почти десять веков. Правда, редкие попытки «освобождения» ступни всё же предпринимались, однако художники, деятели интеллектуальной сферы и обладавшие властью женщины, противившиеся обряду, были «белыми воронами». Их скромные потуги были обречены на провал: «бинтование ног» стало политическим институтом. Он отражал и увековечивал низшее, по сравнению с мужчинами, положение женщин в социальном и психологическом плане: «бинтование ног» жёстко привязывало женщин к определённой сфере с определёнными функциями – объектов секса и кормилиц детей. «Бинтование ног» стало частью общей психологии и массовой культуры, а также суровой действительности женщин числом миллион, помноженным на десять веков.

Существует распространённое мнение, что «бинтование ног» возникло в среде танцовщиц императорского гарема. Где-то между IX и XI веками император Ли Ю

приказал любимой балерине стать на пуанты. Легенда повествует об этом следующим образом:

«У императора Ли Ю была любимая наложница по имени «Прекрасная Девушка», которая обладала утончённой красотой и была одарённой танцовщицей. Император заказал для неё лотос, сделанный из золота, высотой около 1.8 см, украшенный жемчужинами и с красным ковром в центре. Танцовщице было приказано обвязать ступню белой шёлковой материей и подогнуть пальцы таким образом, чтобы изгиб стопы напоминал лунный серп. Танцуя в центре лотоса, «Прекрасная Девушка» кружилась, напоминая восходящее облачко»¹.

От этого реального события перевязанная ступня получила эвфемистическое название «Золотой Лотос», хотя очевидно, что нога была перевязана свободно: девушка могла танцевать.

Позже один эссеист, по-видимому большой ценитель данного обычая, описал 58 разновидностей ног «женщины-лотоса», каждую оценив по 9-балльной шкале. К примеру:

Типы: лепесток лотоса, молодая луна, стройная дуга, бамбуковый побег, китайский каштан.

Особые характеристики: пухлость, мягкость, изящество.

Классификации:

Божественная (А-1): в высшей степени пухлая, мягкая и изящная.

Дивная (А-2): слабая и утончённая.

Бессмертная (А-3): прямая, самостоятельная.

Драгоценная (В-1): подобная паве, слишком широкая, непропорциональная.

Чистая (В-2): гусеподобная, слишком длинная и тонкая.

Соблазнительная (В-3): плотская, короткая, широкая, круглая (недостатком этой ноги было то, что её обладательница могла противостоять ветру).

Чрезмерная (С-1): узкая, но недостаточно острая.

Обычная (С-2): пухлая, распространённого типа.

Неправильная (С-3): обезьяноподобная большая пятка, дающая возможность карабкаться.

Все эти различия лишний раз доказывают, что «бинтование ног» являлось опасной операцией. Неправильное наложение или изменение давления повязок имело неприятные последствия: никто из девушек не мог пережить обвинения в «большеногом демоне» и стыда остаться незамужней.

Даже обладательница «Золотого Лотоса» (А-1) не могла почивать на лаврах: ей приходилось постоянно и скрупулёзно следовать этикету, налагавшему целый ряд табу и ограничений:

- 1) не ходить с поднятыми кончиками пальцев;
- 2) не ходить с хотя бы временно ослабленными пятками;
- 3) не шевелить юбкой при сидении;

4) не двигать ногами при отдыхе.

Этот же эссеист заключает свой трактат наиболее разумным (естественно, для мужчин) советом:

«не снимайте повязки, чтобы взглянуть на обнажённые ноги женщины, удовлетворитесь внешним видом. Ваше эстетическое чувство будет оскорблено, если вы нарушите это правило»².

Это верно. Без повязки нога выглядела так, как на фотографии.

Физический процесс превращения нормальной ноги в то, что вы видите на фотографиях, описан Ховардом С. Леви в работе «Китайское «бинтование ног». История причудливого эротического обычая».

«Успех или неуспех «бинтования ног» зависел от умелого наложения повязки около 5 см в ширину и 3 метров в длину, которая оборачивалась вокруг ноги следующим образом. Один конец закрепляли на внутренней стороне стопы и далее тянули к пальцам ног таким образом, чтобы подогнуть их внутрь подошвы. Большой палец оставался свободным. Повязку сильно стягивали вокруг пятки, чтобы она и пальцы оказались как можно ближе друг к другу. Затем этот процесс повторялся, пока повязка не была полностью наложена. Ступня ребёнка подвергалась принудительному и постоянному давлению,

поскольку целью являлось не только ограничение развития ступни, но и сгибание пальцев под ступню, а также максимально тесное сведение пятки и подошвы»³.

Как свидетельствовал один христианский миссионер,

«иногда плоть загнивала под повязкой, а иногда часть ступни отваливалась, палец или даже несколько пальцев атрофировались»⁴.

Совсем недавно, в 1934 г., пожилая китайка вспоминала свои детские переживания:

«Я родилась в консервативной семье в Пинг Си, и мне пришлось столкнуться с болью при «бинтовании ног» в семилетнем возрасте. Я тогда была подвижным и жизнерадостным ребёнком, любила прыгать, но после этого всё улетучилось. Старшая сестра терпела весь этот процесс с 6 до 8 лет (это значит, потребовалось два года, чтобы размер се ступни стал меньше 8 см). Был первый лунный месяц моего седьмого года жизни, когда мне прокололи уши и вдели золотые серёжки. Мне говорили, что девочке приходится страдать дважды: при прокалывании ушей и второй раз при «бинтовании ног». Последнее началось на второй лунный месяц; мать консультировалась по справочникам о наиболее подходящем дне. Я убежала и спряталась в доме у соседей, но мать нашла меня, выбрала и притащила домой. Она захлопнула за нами дверь спальни, вскипятила воду и достала из ящичка повязки, обувь, нож и нитку с иглой. Я умоляла отложить это хотя бы на день, но мать сказала как отрезала: «Сегодня благоприятный день. Если бинтовать сегодня, то тебе не будет больно, а если завтра, то будет ужасно болеть». Она вымыла мне ноги и наложила квасцы, а затем обрезала ногти. Потом согнула пальцы и обвязала их материей трёх метров в длину и пяти сантиметров в ширину – сначала правую ногу, затем левую. После того как всё закончилось, она приказала мне пройтись, но, когда я попыталась это сделать, боль показалась невыносимой.

В ту ночь мать запретила мне снимать обувь. Мне казалось, что мои ноги горят, и спать я, естественно, не могла. Я заплакала, и мать стала меня бить. В следующие дни я пыталась спрятаться, но меня снова заставляли ходить.

За сопротивление мать била меня по рукам и ногам. Избиения и ругательства следовали за тайным снятием повязок. Через три или четыре дня ноги омыли и добавили квасцы. Через несколько месяцев все мои пальцы, кроме большого, были подогнуты, и, когда я ела мясо или рыбу, ноги разбухали и гноились. Мать ругала меня за то, что я делала упор на пятку при ходьбе, утверждая, что моя нога никогда не приобретёт прекрасные очертания. Она никогда не позволяла менять повязки и вытирать кровь и гной, полагая, что, когда из моей ступни исчезнет всё мясо, она станет изящной. Если я по ошибке сдирала ранку, то кровь текла ручьём. Мои большие пальцы ног, когда-то сильные, гибкие и пухлые, теперь были обёрнуты небольшими кусочками материи и вытянуты для придания им формы молодой луны.

Каждые две недели я меняла обувь, и новая пара должна была быть на 3 – 4 миллиметра меньше предыдущей. Ботинки были неподатливы, и влезть в них стоило больших усилий.

Когда мне хотелось спокойно посидеть у печки, мать заставляла меня ходить. После того как я сменила более 10 пар обуви, моя ступня уменьшилась до 10 см. Я уже месяц носила повязки, когда тот же обряд был совершён с моей младшей сестрой – когда никого не было рядом, мы могли вместе поплакать. Летом ноги ужасно пахли из-за крови и гноя, зимой мёрзли из-за недостаточного кровообращения, а когда я садилась около печки, то болели от тёплого воздуха. Четыре пальца на каждой ноге свернулись, как мёртвые гусеницы; вряд ли какой-нибудь чужестранец мог представить, что они принадлежат человеку. Чтобы достичь восьмисантиметрового размера ноги, мне потребовалось два года. Ногти на ногах вросли в кожу. Сильно согнутую подошву невозможно было почесать. Если же она болела, то было трудно дотянуться до нужного места хотя бы для того, чтобы просто его погладить. Мои голени ослабели, ступни стали скрюченными, уродливыми и неприятно пахли – как я завидовала девушкам, имевшим естественную форму ног»⁵.

«Забинтованные ноги» были искалечены и чрезвычайно болели. Женщине фактически приходилось ходить на внешней стороне подогнутых под ступню пальцев. Пятка и внутренний свод стопы напоминали подошву и пятку обуви с высоким каблуком. Образовывались окаменелые мозоли; ногти вросли в кожу; стопа кровоточила и истекала гноем; кровообращение практически останавливалось. Такая женщина хромала при ходьбе, опиралась на палку или передвигалась при

помощи слуг. Чтобы не упасть, ей приходилось ходить маленькими шажками. Фактически каждый шаг был падением, от которого женщина удерживалась, только поспешно делая следующий шаг. Прогулка требовала громадного напряжения.

«Бинтование ног» нарушало также естественные очертания женского тела. Этот процесс вёл к постоянной нагрузке на бедра и ягодицы — они отекали, становились пухлыми (и именовались мужчинами «сладострастные»). Среди китайских мужчин выработалось курьёзное мнение, что «бинтование ног» вело к наиболее удобному положению влагалища. Китайский дипломат того времени объяснял:

«Чем меньше была нога женщины, тем более дивную форму принимали складки влагалища. (Существовала поговорка: чем меньше нога, тем больше страсти.) Поэтому браки в Татунге, где эта традиция была наиболее распространена, заключались раньше, чем где бы то ни было. Женщины в других регионах могли временно придать складкам такую же форму, но считалось, что по-настоящему этого можно было достичь только «бинтованием ног», которое концентрировало напряжение в одном месте. Складки формировались последовательно, пласт за пластом, и те, кто лично ощутил это во время сексуальных отношений, пережили неземное наслаждение. Так что система бинтования ног вовсе никого не угнетала»⁶.

Медики утверждают, что «бинтование ног» не оказывало какого-то физиологического влияния на влагалище, хотя влияло на форму таза. Вера в чудесные складки влагалища женщины, совершившей обряд «бинтования ног», была чистой воды массовым заблуждением и проекцией сексуальных желаний на ноги, ягодицы и влагалище искалеченной женщины. Не стоит даже говорить, что объяснение дипломата по поводу «бинтования ног» как не такой уж угнетающей процедуры оправдывало страдания и увечья женщины его «неземным наслаждением».

Этот же миф утверждает, что «забинтованная нога» делала ягодицы более чувствительными и концентрировала жизненные соки в верхней части тела, тем самым делая лицо более привлекательным»⁷. Если этого не случалось, то некрасивой женщине с идеальными ногами, но неинтересной внешностью не следовало отчаиваться: титул «Золотой Лотос» А-1 компенсировал лицо фигурой класса С-3.

Возвращаясь к истории, зададимся вопросом, каким образом миллионы китайских женщин разделили судьбу той балерины? Переход от придворной танцовщицы к населению в целом можно рассматривать как часть классовой динамики. Император устанавливает стиль, знать его копирует, а низшие классы, делающие всё возможное для продвижения «наверх», принимают эстафету. Знать соблюдала обычай с наибольшей строгостью. Слабая и беспомощная, неспособная самостоятельно передвигаться дама была скрытым от посторонних глаз украшением будуара, свидетельством богатства и привилегированного положения мужчины, который мог себе позволить держать жену в праздности, она не выполняла никакой ручной домашней работы, и ноги ей тоже были ни к чему. Только в редких случаях

ей позволялось находиться вне стен дома, да и то следовало сидеть в паланкине за толстыми занавесками. Чем ниже находилась женщина на социальной лестнице, тем меньше у неё было возможностей оставаться праздною и тем больший размер имела нога. Женщина, которой приходилось работать ради блага семьи, тоже носила повязки, но они были слабее, ступня больше – она могла ходить, правда, медленно и временами теряя равновесие.

«Бинтование ног» было своего рода знаком касты. *Оно не подчёркивало различия между мужчиной и женщиной: оно их создавало*, а затем увековечивало во имя морали. «Бинтование ног» функционировало в качестве Цербера целомудрия для женщин целой нации, которые в прямом смысле не могли «сбежать на сторону». Верность жён и законнорождённость детей были обеспечены.

Мышление женщин, прошедших обряд «бинтования ног», было таким же неразвитым, как и их ступни. Девочек учили готовить, смотреть за хозяйством и вышивать обувь для «Золотого Лотоса». Мужчины объясняли необходимость интеллектуального и физического ограничения женщин тем, что если их не ограничивать, то они становятся извращёнными, похотливыми и развратными. Китайцы верили в то, что родившиеся женщиной расплачиваются за грехи, совершённые в прошлой жизни, и «бинтование ног» – спасение женщин от ужаса ещё одной такой реинкарнации.

Брак и семья являются двумя столпами всех патриархальных культур. В Китае «забинтованные ноги» были столпами этих столпов. Здесь соединились воедино политика и мораль, чтобы произвести на свет их неизбежного отпрыска – угнетение женщин, основанное на тоталитарных стандартах красоты и необузданном фашизме в сфере секса. При подготовке брака родители жениха сначала спрашивали о стопе невесты, а уж затем о её лице. Ступня считалась её главным человеческим качеством. Во время процесса бинтования матери утешали своих дочерей, рисуя им ослепительные перспективы брака, зависевшего от красоты перевязанной ноги. На праздниках, где обладательницы крошечных ножек демонстрировали свои достоинства, отбирались наложницы в гарем императора (что-то вроде нынешнего конкурса «Мисс Америка»). Женщины сидели рядами на скамьях, вытянув ноги, а судьи и зрители ходили вдоль проходов и комментировали размер, форму и убранство ног и обуви; никто, однако, не имел права дотронуться до «экспонатов». Женщины с нетерпением ждали этих праздников, так как в эти дни им разрешалось покидать дом.

Сексуальная эстетика (буквально «искусство любви») в Китае была чрезвычайно сложна и непосредственно связана с традицией «бинтования ног». Сексуальность «забинтованной ноги» основывалась на её скрытости от глаз и на таинственности, окружающей её развитие и уход за ней. Когда повязки снимались, ноги омывались в будуаре в строжайшей тайне. Частота омовений колебалась от 1 в неделю до 1 в год. После этого использовались квасцы и парфюмерия с различными ароматами, обрабатывались мозоли и ногти. Процесс омовения способствовал восстановлению

кровообращения. Образно говоря, мумию разворачивали, колдовали над ней и снова заворачивали, добавляя ещё больше консервантов. Остальные части тела никогда не мыли одновременно со ступней из-за боязни превратиться в свинью в следующей жизни. Хорошо воспитанным женщинам полагалось умереть со стыда, если процесс омовения ног видели мужчины. Это объяснимо: вонючая разлагающаяся плоть ступни стала бы неприятным открытием для неожиданно появившегося мужчины и оскорбила бы его эстетическое чувство.

Искусство ношения обуви было главным в сексуальной эстетике «перевязанной ноги». На её изготовление уходили нескончаемые часы, дни, месяцы. Существовала обувь на все случаи всех цветов: для прогулок, для сна, для особых случаев вроде свадеб, дней рождения, похорон; существовала обувь, обозначающая возраст владелицы. Красный цвет был цветом обуви для сна, поскольку он подчёркивал белизну кожи тела и бёдер. Дочь на выданье делала 12 пар обуви в качестве приданого. Две специально изготовленные пары дарились свёкру и свекрови. Когда невеста впервые входила в дом мужа, её ноги незамедлительно изучались, при этом обзревавшие не сдерживали ни восхищения, ни сарказма.

Существовало также искусство походки, искусство сидения, стояния, лежания, искусство поправления юбки и вообще искусство любого движения ног. Красота зависела от формы ноги и от того, как она двигалась. Естественно, что одни ноги были красивее других. Размер ступни менее 3 дюймов и полная бесполезность были отличительными чертами аристократической ноги. Эти каноны красоты и статуса отводили женщинам роль сексуальных ублажательниц (украшений), эротических безделушек. Идеалом этого даже в Китае была, естественно, проститутка.

Женщины, не прошедшие обряда «бинтования ног», вызывали ужас и отвращение. Они предавались анафеме, их презирали и оскорбляли. Вот что говорили мужчины о «забинтованной» и обычной ногах:

Крошечная нога свидетельствует о добропорядочности женщины...

Женщины, не прошедшие обряда «бинтования ног», выглядят как мужчины, поскольку крошечная нога и является знаком различия...

Крошечная ступня мягка, и прикосновение к ней чрезвычайно волнует...

Грациозная походка даёт наблюдателю смешанное чувство сострадания и жалости...

Ложась спать, обладательницы естественных ног неловки и тяжеловесны, а крошечные ступни мягко проникают под покрывало...

Женщина с большими ногами не заботится об очаровании, а обладательницы крошечных ножек часто омывают их и используют благовония, чтобы очаровывать всех находящихся вблизи них...

При ходьбе нога естественной формы выглядит куда менее эстетично...

Все приветствуют крошечный размер ноги, её считают драгоценной...

Мужчины так жаждали её, что обладательницам крошечных ног сопутствовал гармоничный брак...

Крошечные ножки дают возможность всецело ощутить разнообразие удовольствий и любовных ощущений...⁸

Изящная, маленькая, изогнутая, мягкая, ароматная, слабая, легко возбудимая, пассивная до почти полной неподвижности – такой была женщина с «забинтованными ногами». Её повязки создавали необычные вагинальные складки; изоляция в пределах спальни только усиливала ее страстность, процесс игры со сморщенной, согнутой ступнёй усиливал желание мужчин. Даже образы, отражённые в названиях различных форм стопы, предполагали, с одной стороны, женскую слабость (лотос, лилия, побег бамбука, китайский каштан), а с другой – мужскую независимость, силу и быстроту (ворон с огромными лапами, ступня обезьяны). Такие мужские черты были неприемлемы для женщин. Этот факт подтверждает сказанное выше: «бинтование ног» не закрепило существующие различия между мужчиной и женщиной, а создало их. Один пол стал мужским за счет того, что превратил другой пол во что-то абсолютно противоположное и называемое женским. В 1915 году один китаец написал сатирическое эссе в защиту обычая:

«бинтование ног» есть условие жизни, при котором мужчина обладает рядом достоинств, а женщина всем довольна. Поясню: я китаец, типичный представитель своего класса. Я слишком часто был погружён в классические тексты в юности, и мои глаза ослабели, грудная клетка стала плоской, а спина сгорбленной. Я не обладаю сильной памятью, а в истории прежних цивилизаций есть ещё много такого, что надо запомнить перед тем, как познавать дальше. Среди учёных я невежда. Я робок, и голос мой дрожит в разговоре с другими мужчинами. Но по отношению к жене, прошедшей обряд «бинтования ног» и привязанной к дому (за исключением тех моментов, когда я беру её на руки и несу в паланкин), я чувствую себя героем, мой голос подобен рыку льва, мой ум подобен уму мудреца. Для неё я целый мир, сама жизнь»⁹.

Ясно, что китайские мужчины становились высокими и сильными за счёт крохотных ножек своих женщин.

Так называемое искусство «бинтования ног» было процессом использования человеческой ноги как неживой материи для придания ей нечеловеческой формы. «Бинтование ног» было «искусством» превращения живого в бесчувственное и мёртвое. Здесь нет ничего, связанного с творчеством, мы имеем дело в данном случае с фетишизмом и сексуальным психозом. Этот фетиш стал основным компонентом целой культуры на протяжении почти 1000 лет. Манипуляция крошечной ступнёй являлась обязательной прелюдией к сексуальному контакту, и целые учебники были посвящены тому, как лучше играть с «Золотым Лотосом».

Вдыхание запаха кожи, прикосновения к ногам губами, языком, зубами были частью эротической игры. Считалось, что женщиной с меньшим размером ноги легче манипулировать в постели, а это было значительным преимуществом. Кража обуви была распространённым явлением. Женщины были вынуждены специально

пришивать обувь к повязкам. Украденные туфли часто возвращали со следами спермы. Проститутки обнажали свою ногу только за высокую цену (в Китае они по улицам не ходили). Кубок с напитком в туфельке проститутки или куртизанки – излюбленный предмет игр того времени. Проститутки с крошечными ступнями имели особые имена, например «Бессмертная Луна», «Красное Сокровище», «Золотая Жемчужина». Существовало множество эвфемизмов для названия ног, обуви и повязок. Некоторые мужчины посещали проституток, чтобы вымыть их ноги и выпить грязную воду или выпить чай, заваренный на такой воде. Другие хотели, чтобы их пенисом играла ступня женщины. Кроме этого, имели место суеверия: многие верили в целительные свойства воды, в которой была омыта ножка.

И последнее. «Бинтование ног» стало благодатной почвой для появления и культивирования садизма, при этом явлении обычная жестокость могла трансформироваться в зверства. Вот один из кошмаров того времени.

«Мачеха или тётя при «бинтовании ног» проявляли куда большую жестокость, чем родная мать. Существует описание старика, которому доставляло удовольствие слышать плач своих дочерей при наложении повязок... В доме все должны были пройти этот обряд. Первая жена и наложницы имели право на послабления, и для них это было не таким уж страшным событием. Они накладывали повязку один раз утром, один раз вечером и ещё раз перед сном. Муж и первая жена строго проверяли плотность повязки, и те, кто ослаблял её, подвергались избиениям. Обувь для сна была настолько мала, что женщины просили хозяина дома потереть их стопы, чтобы это принесло хоть какое-то облегчение. Ещё один богач «славился» тем, что сёк своих наложниц по их крошечным ступням, пока не появлялась кровь»¹⁰.

«...Около 1931... разбойники напали на семью, и женщины, прошедшие обряд «бинтования ног», не смогли убежать. Бандиты, раззадоренные неспособностью женщин быстро двигаться, заставили их снять повязки и обувь и бегать босиком. Те кричали от боли и отказывались, несмотря на избиения. Каждый бандит избрал жертву и заставлял её танцевать на острых камнях... Ещё хуже относились к проституткам. Их руки пробивали гвоздями, ногти заталкивали внутрь тела, они кричали от боли в течение нескольких дней, после чего умирали. Формой пытки было привязывание женщины таким образом, чтобы её ноги висели в воздухе, причём к каждому пальцу ноги привязывали по кирпичу, пока пальцы не вытягивались или даже отрывались»¹¹.

Конец эпохи «бинтования ног»

Всю свою жизнь мы снова и снова задаёмся одними и теми же вопросами. Вопросами о людях, о том, что, как и почему они делают. Как могли немцы лишиться жизни 6 млн евреев, использовать их кожу для изготовления абажуров и вырывать у них золотые зубы? Как могли люди с белой кожей продавать и покупать людей с чёрным цветом кожи, вешать и кастрировать их? Как могли «американцы» истребить

индейские племена, забрать у них землю, распространить среди них голод и болезни? Как может продолжаться по сей день геноцид в Индокитае, день за днём, год за годом? Почему это происходит?

Женщины могли бы задаться другой серией трудных вопросов: почему ходу истории сопутствовало повсеместное угнетение женщин? Какое право имели инквизиторы сжигать женщин на кострах, называя их ведьмами? Как могли мужчины идеализировать перевязанную ногу искалеченной женщины? Как и почему?

Традиция «бинтования ног» существовала около 1000 лет. Как оценить это преступление? Как измерить жестокость и боль, наполнившие эту тысячу лет? Как проникнуть в суть тысячелетней женской истории? Какими словами описать ту страшную реальность?

Здесь мы не имеем дело со случаем, когда одна раса хотела войны с другой из-за пищи, земли или власти; одна нация не сражалась с другой во имя реального или мнимого выживания; одна общность людей в приступе истерии не истребляла другую. К этой ситуации не подходит ни одно традиционное оправдание, или объяснение такой жестокости. Напротив, здесь один пол калечил другой в интересах эротики, *гармонии* между мужчиной и женщиной, распределения социальных ролей и красоты.

Представьте масштаб совершённых преступлений.

Миллионы женщин в течение 1000 лет подвергались нанесению жестоких увечий и становились калеками во имя эротики.

Миллионы людей в течение 1000 лет подвергались нанесению жестоких увечий и становились калеками во имя красоты.

Миллионы мужчин в течение 1000 лет наслаждались любовной игрой, связанной с обожествлением перевязанной ноги.

Миллионы матерей в течение 1000 лет наносили увечья и калечили своих дочерей во имя прочного брака.

Однако этот тысячелетний период является только верхушкой страшного айсберга: крайние проявления романтических отношений и ценностей, имеющих корни во всех культурах как сейчас, так и в прошлом, показывают, что любовь мужчины к женщине, его сексуальное обожание женщины, восторг и удовольствие, получаемое от неё, само её определение как женщины требовали её уничтожения, нанесения физических увечий и психологической лоботомии. Это и есть природа той романтической любви, которая основана на противоположных поведенческих ролях и отражена в истории женщины на протяжении веков, а также в литературе: *он* торжествует во время *её* агонии, *он* обожествляет её уродливость, *он* уничтожает *её* свободу, использует женщину только как объект сексуального удовлетворения, даже если для этого требуется поломать ей кости. Жестокость, садизм и унижение возникли как основное ядро этики романтизма. Это уродливое ответвление культуры, какой мы её знаем.

Женщина должна быть красивой. Все носители культурной мудрости начиная со времён царя Соломона сходятся на этом: женщины должны быть прекрасными. Благоговение перед женской красотой питает романтизм, дает ему энергию и оправдание. Красота трансформирована в сей золотой идеал. Красота является абстрактным объектом обожания. Женщина должна быть красивой, женщина есть сама красота.

Понятие красоты всегда включает в себя всю структуру данного общества и является воплощением его ценностей. Общество с чётко выраженной аристократией имеет аристократические стандарты красоты. В западных «демократиях» определения красоты являются «демократическими» по сути: даже если женщина не рождена красивой, она может сделать себя *привлекательной*.

Вопрос заключается не в том, что некоторые женщины некрасивы и поэтому несправедливо судить о женщинах по их физической красоте; и не в том, что раз мужчины не делятся по этому принципу, то женщин тоже нельзя делить подобным образом; и не в том, что мужчины должны прежде всего обращать внимание на внутренние качества женщин; и не в том, что наши стандарты красоты являются, по сути, ограниченными; и даже не в том, что оценка женщин касательно этих стандартов красоты приводит к превращению их в некое изделие или имущество, которое отличается от любимой коровы фермера только внешней формой. Вопрос коренится в другом. Стандарты красоты точно отражают отношение человека к своей физической сущности. Они предписывают женщине необходимые черты: быстроту, непредсказуемость, ту или иную походку, то или иное поведение в разных ситуациях. *Они ограничивают её физическую свободу*. И, конечно, они устанавливают основополагающие отношения между физической свободой и психологическим развитием, возможностями интеллекта и созидательным потенциалом.

В нашей культуре ни одна часть женского тела не осталась незамеченной, неулучшенной. Ни одна черта, ни одна конечность не осталась без внимания искусства, невредимой и неисправленной. Волосы окрашиваются, лакируются, выпрямляются, завиваются; брови выщипываются, подкрашиваются, подчёркиваются; глаза подводятся, подкрашиваются, оттеняются; ресницы подвиваются или накладываются искусственные – от макушки до кончиков пальцев все черты, чёрточки и части тела обрабатываются. Этот процесс бесконечен. Он движет экономику и является основой ролевой дифференциации мужчин и женщин, самым непосредственным физическим и психологическим проявлением женщины. С 11 или 12 лет и до конца жизни женщина проводит массу времени, тратит массу денег и энергии на «затягивание» себя, выщипывание волос, изменение или избавление от естественных запахов. Распространено достаточно спорное заблуждение, что мужчины-трансвеститы, используя макияж и женскую одежду, являют собой карикатуру на женщин, какими бы те могли стать, но любой человек, знакомый с романтической этикой, поймёт, что эти мужчины проникают в суть бытия женщины как идеологически сконструированного существа.

Технология и идеология красоты передаются от матери к дочери. Мать учит дочь красить губы, брить подмышки, носить бюстгальтер, стягивать талию и ходить в обуви на высоком каблуке. Каждый день мать учит дочь поведению, роли и месту в жизни. И она обязательно учит свою дочь психологии, определяющей женское поведение: женщина должна быть красивой, чтобы радовать абстрактного и влюблённого Его. То, что мы назвали этикой романтизма, так же ярко проявляется в Америке и Европе XX века, как и в Китае X века.

Этот культурный перенос технологии, роли и психологии очевидным образом влияет на эмоциональные отношения между матерью и дочерью. Он существенно подкрепляет амбивалентную динамику «любовь – ненависть» таких отношений. Что должна чувствовать китайская девочка по отношению к матери, «бинтовавшей» ей ногу? Что чувствует ребёнок по отношению к матери, заставлявшей его совершать действия, причиняющие боль? Мать принимает роль насильника, используя соблазнение и принуждение в любых формах, чтобы заставить дочь соответствовать нормам культуры. Именно потому, что такая роль становится главной в отношениях «мать – дочь», в будущем проблемы между ними становятся неразрешимыми. Дочь, отвергающая навязанные матерью нормы, вынуждена отказаться от своей матери, согласиться с ненавистью и обидой, отчуждением от матери и общества настолько сильным, что собственное женское естество оказывается уничтоженным. Дочь, воспринявшая эти ценности, будет поступать так же, как поступали с ней, и её скрытые ярость и обида будут направлены на её собственную дочь и мать.

Боль является неотъемлемой частью процесса ухода за собой, и это не случайно. Выщипывание бровей, бритьё подмышек, затягивание талии, обучение ходьбе в обуви на высоких каблуках, операции по изменению формы носа или завивка волос – всё это *боль*. Боль, конечно, даёт прекрасный урок: никакая цена не может быть чрезмерной для того, чтобы стать красивой: ни отвратительность процесса, ни болезненность операции. *Принятие боли и её романтизация начинаются именно здесь*, в детстве, в социализации, служащей подготовке женщины к родам, самоотречению и угождению супругу. Детский опыт «боли становления женщиной» придаёт женской психике мазохистский оттенок, приучая к принятию такого своего образа, который основан на пытках тела, удовольствии от пережитой боли и ограничении в передвижении. Он создаёт характеры мазохистского толка, обнаруживаемые в психике уже взрослых женщин: услужливых, материалистичных (поскольку все ценности сводятся к телу и его украшению), интеллектуально скудных и творчески бесплодных. Он превращает женский пол в менее развитый и более слабый, как бывает неразвитой любая отсталая нация. Фактически последствия этого навязанного отношения женщин к своим телам являются настолько важными, глубокими и обширными, что вряд ли какая-нибудь сфера человеческой деятельности останется незатронутой ими.

Мужчинам, естественно, нравятся женщины, которые «ухаживают за собой». Отношение мужчины к накрашенной и модной женщине есть приобретённый и

навязанный обществом фетиш. Достаточно вспомнить мужскую идеализацию «забинтованных ног», чтобы узнать здесь ту же социальную динамику. Романтические отношения мужчины и женщины, основанные на ролевых различиях, превосходство, построенное на культурно обоснованном подавлении женщин, а также на чувствах стыда, вины и страха у женщин и в конечном итоге на сексе, – всё это связано с закреплением тягостного императива по уходу женщин за собой.

Вывод из этого анализа «любовной» этики ясен. Первым шагом в процессе освобождения (женщин от угнетения, мужчин – от несвободы их фетишизма) является радикальное переосмысление отношения женщины к своему телу. Оно должно быть освобождено даже в буквальном смысле: от косметики, тугих затягивающих поясов и прочей ерунды. Женщины должны перестать калечить свои тела и начать жить так, как им удобно. Возможно, новые представления о красоте, которые тогда возникнут, будут полностью демократичными и демонстрирующими уважение к человеческой жизни в её бесконечном и прекрасном разнообразии.

Примечания

- 1 Howard S. *Chinese footbinding: The history of a curious custom* (New York: W. Rawls, 1966), p. 39. Работа Леви является основным источником всего исторического и фактологического материала этой статьи.
- 2 Там же, с. 112.
- 3 Там же, с. 25 – 26.
- 4 Там же, с. 26.
- 5 Там же, с. 26-28.
- 6 Там же, с. 141.
- 7 Там же.
- 8 Там же, с. 182.
- 9 Там же, с. 89.
- 10 Там же, с. 144.
- 11 Там же, с. 144 – 145.

Андреа Дворкин

Перевод И. Караичевой выполнен по:

Andrea Dworkin, *Chinese Footbinding*, in *Feminist Frontiers* 111 (Laurel Richardson, Verta Taylor, eds.), NY: McGraw-Hill, 1993, p. 60-68.

ПроPILEн, Минск, 2000.